

Вот уже тринадцать лет нет среди нас замечательного мастера искусства, активного борца за мир Бориса Пророкова, а работы его, оставленные в наследство народу, сохраняют всю свою актуальность и злободневность — в них по-прежнему kloпочет жаркий огонь беззаветной преданности идеалам социализма и жгучей ненависти к врагам мира.

Созданные им знаменитые антивоенные публицистические, как сам он подчеркивал, серии монументальных работ, размноженные в тысячах репродукций, сегодня выглядят еще актуальнее, нежели пятнадцать, двадцать, тридцать лет назад, когда они впервые были показаны на выставках. Они находятся на вооружении выходящих на демонстрации борцов за мир, которые поднимают их над своими колоннами. Они воодушевляли участников недавнего Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Они неизменно собирают огромную аудиторию на новых и новых выставках в СССР и за рубежом. И они занимают заслуженные почетные места в музеях изобразительного искусства, поскольку длительная проверка временем убедительно показала: да, это настоящее, большое искусство.

Вот почему чем дальше, тем больше творчество Бориса Пророкова становится объектом исследований. Их авторы ищут ответ на поистине животрепещущий вопрос: какое место должно занимать наше изобразительное искусство в политической жизни, в борьбе за дело коммунизма. Думается, однако, что лучший ответ на этот вопрос дают сами работы Пророкова и его собственные высказывания на сей счет, которые он оставил в своих записях, подолгу готовясь к их созданию и размышляя о них.

И тут мне хочется полным голосом сказать о поистине бесценном труде хранителей творческого огня этого интереснейшего мастера искусства — двух искусствоведов, которые ценою долгих, кропотливых усилий сумели разобрать, систематизировать и проанализировать богатейшее творческое наследие художника, который, как мы теперь знаем благодаря им, не только обладал талантом мастера изобразительного искусства, но и прекрасно владел пером.

Я имею в виду Софью Пророкову, творческую соратницу и верного друга жизни художника, и критика Изольду Кислякову, которая неоднократно была у них в доме, участвовала в беседах о смысле и предназначении искусства и записывала смелые и острые, подчас полемичные и всегда бескомпромиссные, звучавшие афористично высказывания мастера.

Когда Бориса не стало, Софья Пророкова, с трудом пережившая тяжкую утрату, принялась за неимоверно сложный труд — вернуть к жизни бесценные, побиенные от времени записи художника, перемежавшиеся с беглыми набросками и схемами будущих работ, содержавшиеся в его блокнотах и тетрадях, накопившихся начиная с довоенных времен.

Там был и заветный блокнотик с легендарного Гангута, окропленный ледяной водой Балтики в декабре 1941 года, когда турбозлектроход, на котором Пророков вместе с солдатами и матросами шел в Кронштадт, затонул, а художник лишь чудом спасся. Там были и записи, сделанные на столь же легендарной Малой земле у Новороссийска. Там были фронтовые дневники, которые он вел урывками на протяжении всей войны, вплоть до Берлина. Все эти записи и наброски впоследствии легли в основу его больших послевоенных работ, которые снискали ему поистине мировую славу.

И еще там было огромное количество записей, сделанных уже после войны, когда его постигла страшная беда: две контузии, полученные на фронте, причиняли ему адские головные боли, лишая возможности работать. Но он, преодолевая свои мучения, все равно становился к мольберту и трудился, пока силы не оставляли его окончательно. Приходилось ложиться, и тогда он обращался к карандашу или к перу, чтобы поделиться со своим дневником раздумьями о времени, об искусстве и о себе...

Когда все это литературное наследие художника было разобрано, Софья Пророкова, нанизывая, словно жемчуг на нитку, его высказывания, иллюстрированные набросками в этих блокнотах и тетрадях, создала посмертную книгу художника, которая называлась «О времени и о себе», а

Юрий Жуков, председатель Советского комитета защиты мира

ХРАНИТЕЛИ ОГНЯ

● Б. ПРОРОКОВ. «Да здравствует свобода!»

Изольда Кислякова ее отредактировала. А потом одно за другим вышли в свет фундаментальное исследование Изольды Кисляковой, напечатанное в журнале «Звезда», в основу которого были положены записи ее бесед с Борисом Пророковым; ее работа «Слово и дело Бориса Пророкова», опубликованная в журнале «Художник»; ее книга «Борис Пророков, художник-боец», прекрасно изданная в этом году в Ленинграде издательством «Художник СССР», и наконец только что отпечатанный издательством «Изобразительное искусство» альбом «Оружием правды. Антиимпериалистическая графика Б. И. Пророкова», подготовленный ею и снабженный ее комментариями.

Благодаря этим двум самоотверженным женщинам, посвятившим свои жизни хранению творческого огня, оставленного художником потомкам, мы имеем теперь возможность лучше, полнее, всестороннее осмыслить, понять и оценить все сделанное им.

Я перелистываю сейчас вновь и вновь книгу «Борис Пророков, художник-боец» и вспоминаю собственные беседы с ним об искусстве и политике, о войне и мире, о жизни и смерти. Мы дружили с ним много лет, начиная с ранних тридцатых годов, когда вместе проходили замечательную жизненную школу в «Комсомольской правде». Но после фронтовых контузий врачи резниво ограничивали его контакты, даже с друзьями, предупреждая, что любые эмоции могут разрушительно отозваться на состоянии его здоровья.

Поэтому и наши встречи были вынужденно редкими. Но какими глубокими мыслями были насыщены беседы Бориса Пророкова с теми, кому удавалось прорваться к нему, минуя ограничения, справедливо установленные врачами! И как точно и убедительно воспроизводит Изольда Кислякова атмосферу и содержание тех бесед в «скромном обиталище художника, куда проникал слабый запах лекарств, заполненным солнечным светом да книгами!»

рыляющий пафос монументальной фрески, и углубленный психологизм станковой живописи. Вот почему сюита «Это не должно повториться!» и сегодня смотрится как непосредственный, сиюминутный отклик на грозные события восьмидесятых годов. И со страниц книги я слышу живой голос Бориса:

— Почему о войне надо было вспомнить? Потому что кончилась война «горячая», началась «холодная». Этот факт для появления серии крайне важен. Она рождена тревогой за судьбы послевоенного мира. В ней я остался пропагандистом, потому что она призвана служить пропаганде дела мира на земле. По требованию врачей я долгие годы «забывал» войну. Пятнадцать лет мне было запрещено о ней думать, читать, вспоминать. Я нарушил все эти запреты, но иначе поступить просто не мог...

Из этой книги читатель узнает, что в самый дорогой для него День Победы (по счастливому совпадению 9 мая еще и день его рождения), который Пророков отмечал последний раз в жизни, он написал письмо, в котором есть такие слова: «В годы Великой Отечественной войны мы с оружием в руках вернули миру мир. Наша армия — армия мира. Такова ее природа. Армия, грозная для агрессора. Я был солдатом Советской Армии и горд этим... Есть ли грань между солдатом и художником? Я сам не знаю. Золотая медаль «Борцу за мир» и солдатская медаль «За боевые заслуги» хранятся у меня рядом».

Да, вот таким и был Борис Пророков. Был солдатом фронта идеологической борьбы и в годы «горячей», и в годы «холодной» войны. И до чего же люто ненавидел он тех, кто под разными предлогами уклоняется от участия в этой борьбе под предлогом тяготения к «чистому искусству»! Будучи учеником и страстным поклонником Маяковского, он вслед за ним подчас «становился на горло собственной песне», если время требовало отдачи силы на создание агитационного плаката или карикатуры на злого врага.

«Я не люблю слово «творчество», — говорил он в пылу полемического задора. — Художник — это прежде всего рабочий человек. И добавлял к этому: «Каждая работа, конечно, определяется политическим убеждением, чувством, необходимостью».

В своей работе «Слово и дело Бориса Пророкова» Изольда Кислякова напоминает, как яростно художник клеймил тех, что «бегут от сложности и грубости жизни в кусты». «Кусты, — заметил он в своем дневнике, — это красивый и надежный бастион обывателя в искусстве», с которого «надо брать налог за бездумность, как берут налог за бездетность». И он снова и снова заявлял: «Я не могу не быть политическим художником».

Полемизируя с теми, кто говорил, да и сейчас говорит о том, что задача художника — воспевать «прекрасное» вне связи с политикой в мире, Пророков утверждал в споре с другом: «Да, говоря словами поэта, мир прекрасен и удивителен. Но мир прекрасен не только красивыми девушками и цветами и удивителен не только небом и солнцем. Мир прекрасен теми девушками, которые вот в данный момент стоят у зенитных орудий или с автоматами лежат в камышах Вьетнама. Теми девушками, которые дерутся сейчас с вооруженными до зубов карателями на улицах Санто-Доминго... Ты говорил: зритель устал от переживаний и хочет яркого и красивого... Что ты знаешь лучше борьбы за свободу? Прекрасней? Благородней?»

Художник ненавидел абстрактное искусство, лишавшее мастеров изобразительного искусства возможности выражать свое политическое кредо. «Ветер истории, — говорил он, — сметет оскорбительный для человека абстрактный хлам. Но история сохранит людям рисунки американских коммунистов Роберта Майнора и Фреда Эллеса; антиимпериалистические произведения Кете Кольвиц, созданные ею подпольно в фашистской Германии; картины коммуниста Сикейроса, написанные в тюремной камере; творения Маруки, клеймщие несмыслаемым позором атомных палачей Хиросимы».

— Искусство должно быть, как знамя, — всегда впереди. В этом главное. Мне кажется, наше искусство несколько задержалось в обороне. Сейчас достаточно сил для того, чтобы переходить в наступление.

Этот завет Бориса Пророкова был обращен ко всем работникам искусства, но прежде всего к молодым художникам, которых он убеждал, что «в наш век для художника одних глаз мало. Думать надо... Сейчас надо думать в двадцать раз больше», «думать и думать, представляя себе борьбу на всех континентах».

Сам он больше всех своих коллег думал о будущем, о борьбе во имя будущего, внося свой весомый вклад в эту борьбу. И умер он, как солдат на поле боя, падая головой вперед. Как пишет Изольда Кислякова, буквально за несколько дней до своей кончины он сделал такую — уже последнюю — запись в своем дневнике: «Силы уходят с каждым днем. Вынужден оттянуться на койку. А мне еще хочется написать Фиделя Кастро, нарисовать групповые портреты наших пехотинцев. Слышишь ли, товарищ Судьба?»

Судьба этот зов не услышала. Многие задуманные Пророковым замыслы не были осуществлены — мы не увидели и не увидим никогда задуманной им «Сюиты о солдатах», серии «Бухта Любви» — о боях за освобождение Новороссийска и многих других. Но и то, что он создал, представляет собой весомый вклад в сокровищницу советского изобразительного искусства — это прежде всего знаменитые серии монументальных станковых работ «Вот она, Америка!», «В Европе американцы», «Международная хроника», «Это не должно повториться!», «Сыну», «За мир», «Красное и черное» и многие другие работы, которые являются первоклассными новаторскими произведениями искусства. Именно поэтому они и сегодня служат нам как острейшее оружие в борьбе.

Уходят годы десятилетия, а огонь высоких чувств, воплощенных Борисом Пророковым в его творчестве, разгорается все ярче. Скажем же спасибо преданным хранителям этого огня, благодаря неустанному труду которых мы открываем новые и новые грани целеустремленного творчества этого большого политического, как он сам себя называл, художника.

Будем надеяться, что и созданная Софьей Пророковой книга «О времени и о себе», и исследование Изольды Кисляковой, вышедшие в свет, увы, малыми тиражами и уже ставшие библиографической редкостью, будут изданы вновь. В них ощущается острая нужда!